

1

ВЕЛИЧАЙШИЕ ФИНАНСОВЫЕ ДИНАСТИИ

1

БРИТА ОСБРИНК

ИМПЕРИЯ НОВЕЙ

ИСТОРИЯ
О ЗНАМЕНИТЫХ
ШВЕДАХ,
БАКИНСКОЙ НЕФТИ
И РЕВОЛЮЦИИ
В РОССИИ

Брита Осбринк
Империя Нобелей. История о
знаменитых шведах, бакинской
нефти и революции в России
Серия «Величайшие
финансовые династии»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8896792

Брита Осбринк. Империя Нобелей: история о знаменитых шведах, бакинской нефти и революции в России: «Издательство „Алгоритм“;

Москва; 2014

ISBN 978-5-4438-0837-6

Аннотация

Десять процентов капитала, из которого ежегодно выплачиваются Нобелевские премии, были внесены «Товариществом нефтяного производства братьев Нобель» – промышленной империей, созданной в России талантливыми шведскими предпринимателями. Империя эта была огромна – нефтяные промыслы, заводы, дома, верфи, суда, хранилища не только в Петербурге и Баку, но и по всей стране. Неустанная работа Нобелей принесла России XIX века славу одной из сильнейших нефтяных держав. Известная

шведская журналистка Брита Осбринк написала увлекательную историю этого замечательного семейства, используя письма, воспоминания, дневниковые записи и фотографии.

Содержание

Предисловие	6
ПРОЛОГ	10
Глава 1	16
Укрощение нитроглицерина и нефти	16
История рода	22
Рокфеллер: «наш план»	30
Военные поставки – основа капитала	32
Зарождение нефтедобывающей промышленности в России...	35
...и в Соединенных Штатах Америки	38
В цветущие края, где растет ореховое дерево!	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Брита Осбринк
Империя Нобелей:
история о знаменитых
шведах, бакинской нефти
и революции в России**

© Брита Осбринк, 2014

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

Предисловие

Если раньше дореволюционная история России нередко замалчивалась, то с 1991 г., после распада Советского Союза, о ней заговорили вновь. Оказывается, память о Нобелях и их промышленной империи в России сохранили дети и внуки тех, кто некогда работал на нобелевских предприятиях. Личные вещи, принадлежавшие Нобелям и конфискованные во время революции, теперь передаются их шведским потомкам. Даже государственные деятели России и Азербайджана, а также Туркменистана и других стран Средней Азии не остались в стороне и пожелали увековечить память о Нобеле. Так появились памятники, почтовые марки, улицы с новыми названиями и стипендии молодым ученым.

Проникнутые уважением современные статьи и письма содержат множество легенд и фактических ошибок, но в них чувствуется огромное стремление заново приобщиться к своему прошлому, и это очень трогательно. Тем не менее, создать правдивую историю семидесятилетней деятельности компании крайне непросто! При отступлении в 1939–1940 гг. финские войска взорвали летнюю резиденцию Нобелей на Карельском перешейке, усадьбу Кирьола, уничтожив хранившуюся там подробную историю как самого семейства, так и «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель». К счастью, после десяти лет упорного труда

Марте Нобель-Олейниковой удалось создать замечательную биографию своего нежно любимого отца, Людвиг Нобеля, в которой раскрывается и история товарищества в царской России. Вот что она пишет в заключении своей книги о периоде накануне революции 1917 г. и последовавшей в 1920 г. национализации компании:

«На долю высших руководителей «Товарищества бр. Нобель» тоже выпало немало бед: им пришлось выпутываться из невероятно сложных ситуаций, усугублявшихся тем, что в тогдашнем политическом и общественном хаосе не было ни одного человека, да-да, буквально ни одного человека, к которому можно было бы обратиться за советом: этому препятствовал и личный опыт, и зачастую не скрываемое чувство превосходства. Впрочем, сколько-нибудь достоверно и взвешенно описывать ту эпоху и судить о ней – дело слишком ответственное и сложное, поэтому мы лучше оставим его тому, у кого будут реальные предпосылки с ним справиться».

Марта слишком требовательна к себе, поскольку любой человек, пытающийся изобразить то время, сталкивается с огромными трудностями. Революция, войны, пожары, наводнения, а также всеобщая неразбериха уничтожили документы и фотографии. Оставшиеся от них крохи разбросаны по всему миру: кое-что сохранилось в архивах, кое-что находится в частных руках. Материалы о жизни и деятельности семейства Нобель должны быть собраны в одном месте,

в музее, – желательнее в Стокгольме, откуда начинается их история (с приезда из Упсалы Иммануэля Нобеля¹ и его женьитьбы на Андриетте) и куда Нобели съехались после революции.

Бесценным помощником стал для меня архивариус нобелевской семьи Карл Тюдён. Мы с ним познакомились в Баку в марте 1999 г., и с тех пор он охотно давал мне для прочтения и просмотра письма, фотографии и книги, отражающие радости и горести в жизни большого клана Нобелей или споры по поводу управления товариществом между Альфредом, Людвигом и Робертом. Через Карла Тюдена я связалась с родными тех шведов, норвежцев и финнов, которые в свое время работали на предприятиях компании и оставили после себя письма, дневники, воспоминания... Чего только ни таится на чердаках!

Сделав более современной орфографию, я, однако, оставила названия стран и городов такими, какими их знали до 1920 г. В царской России пользовались юлианским календарем, а не привычным для остальной Европы григорианским, что означает разницу в 12–13 дней. После нескольких лет, проведенных в России, многие стали путать эти две системы летосчисления, приводя одни даты по старому стилю, а другие – по новому. Но что такое 12–13 дней для нашего по-

¹ В России его имя, как и имя его внука Эмануэля, встречается в самых разных написаниях – Эммануэль, Эммануил, Иммануил и т. д. В данном издании отдается предпочтение орфографическим вариантам, близким к шведскому произношению. (*Прим. переводчика*)

вестования?

В ожидании тех, у кого будут «реальные предпосылки» справиться с делом, нам придется довольствоваться тем толкованием событий, какое сумеем дать мы сами! И речь у нас пойдет о развитии нефтяной промышленности в закавказском Баку (на территории современного Азербайджана), о социализме, об этнических раздорах и борьбе за власть, а также о людских судьбах в крайне неспокойное время – иными словами, об эпохе, которая начиналась столь многообещающе и закончилась хаосом. Бывшие служащие «Товарищества бр. Нобель» рассказывают о своей работе на промыслах и в грохочущих заводских цехах, о горящих нефтяных фонтанах, о вылазках на природу и походах в гости, о путешествиях в далекие края, где их ожидают мороз и жара, любовь и семейная жизнь, знакомство с чужими традициями и обычаями, гибель близких и бегство через разоренную Россию, после которого увидеть снова Баку им уже не суждено!

От всего сердца благодарю Карла Тюдена, Майю (Марию) Барре, Йорана Бэрнъельма, Ларса Эка, Оке Эрландссона, Ингрид Хагелин и Маргарсту Хагелин-Беркер, Андерса Хультгорда, Махира Искендерова, Бенгта Янгфельдта и Карин Ланге, а также Нобелевский фонд, Музей Вермланда и вермландский Архив народного движения, Марианну Стигселиус, Иоко Тернудд, Анн-Марфет Виман, Фонд Веры Сагер и Королевское патриотическое общество.

ПРОЛОГ

В XIX веке Швеция была страной бедной, инертной и малоразвитой. В 60-е годы, когда там свирепствовала нужда, шведы искали лучшей доли для себя и своих детей либо в Америке, либо на востоке – в России. Санкт-Петербург привлекал целеустремленных молодых людей (ремесленников, механиков, предпринимателей), которые пароходом переправлялись через Балтийское море в Финляндию, а уже оттуда, из Обу², попадали по суше в российскую столицу. Среди первых иммигрантов оказался в 1837 г. и Иммануэль Нобель. В Стокгольме он добывал себе средства к существованию как механик, изобретатель и архитектор. Видимо, он разорился и искал в России убежища от кредиторов, но кто знает, вдруг он разглядел в этой стране новые возможности, и у него появилась надежда на лучшее будущее?

В России дела у Иммануэля Нобеля впрямь идут на лад. Семейство преуспевает. Иммануэль открыл в Петербурге завод, где производит мины и вооружение для российской армии, с 1853 по 1856 г. воюющей в Крыму с турками и англичанами. Сыновья Роберт, Людвиг и Альфред получили хорошее домашнее образование, но, видимо, самый серьезный толчок в их развитии должен дать завод, куда их определя-

² Шведское название города Турку, в свое время известного у нас как Або.

ет под строгий надзор мастеров отец. Иммануэль прекрасно знает сыновей, и, по его мнению, «Роберт больше наделен склонностью к спекуляциям, Людвиг – гениальностью, а Альфред – работоспособностью». Сам же отец по натуре холерик и отличается крайней импульсивностью. Он невероятно трудолюбив и утверждает, что его больше интересует работа, чем награда за труды. Внезапно Крымская война кончается, а с ней кончаются и заказы. Новое банкротство вынуждает Иммануэля после 20 лет жизни в России вернуться в Стокгольм. На борт судна с ним поднимаются жена Андриетта и младший сын, Эмиль, тогда как Роберт, Людвиг и Альфред уже выросли и начинают самостоятельную жизнь.

Иммануэль Нобель – основатель династии Нобелей

Все трое станут крупными международными деятелями эпохи индустриализации. Телефон еще не изобретен. Люди пишут друг другу письма, нередко на хорошей бумаге и настоящими чернилами, а такой текст доживает до прочтения потомками. Активный и сплоченный семейный клан успешно продвигается вперед, делает успехи. В письмах Андриетты детям и внукам чувствуются ее сила и душевная теплота. Мать, как ступица в колесе, скрепляет всех членов семьи, несмотря на их строптивые характеры. Письма проникнуты духом терпимости, прощения, примирения после разногласий. Вместе с детьми и многочисленными внуками Андриетта переживает горе, радости, страхи и всяческие сюрпризы, в том числе и приятные. Особую любовь она испытывает к поселившемуся в Париже холостяку Альфреду. Письма, подарки, цветы то и дело мчатся в разные концы Европы. И в каких количествах! Мать и сыновья пишут друг другу подробно и часто. А еще без устали (на пароходах и поездах) ездят повидаться друг с другом, поучаствовать в переговорах с конкурентами и банкирами в какой-нибудь из европейских столиц, посмотреть интересное производство «для перенятия опыта» или отдохнуть на водах.

Даже состоятельные семьи не застрахованы от холеры, тифа и туберкулеза. И у них умирают в младенчестве дети, родильная горячка уносит жен и матерей. Все три брата не мо-

гут похвастаться отменным здоровьем. Роберт внушил себе, что страдает от множества хворей сразу, а его крутой нрав не способствует выздоровлению. Людвиг по натуре человек спокойный, оптимист, но после перенесенной в детстве болезни у него слабое сердце. Он не вылезает из ангин и вечно экспериментирует с домашними увлажнителями и очистителями воздуха. Альфред мучится ревматизмом, мигренями и несварением желудка, а изредка еще впадает в глубокую депрессию. Альфред так и остался холостяком, однако живо интересуется детьми Роберта и Людвига и уделяет им много времени – он хороший дядя. Некоторые из Альфредовых племянников будут потом продавать изобретенный им динамит и развивать промышленную и нефтяную империю Нобелей вплоть до 1920 г., когда революция захлестнет и Баку. После этого им придется довольствоваться крохами былого величия в парижской и стокгольмской конторах.

Все мы прекрасно знаем, что Альфред завоевал мировую славу благодаря учрежденной им Нобелевской премии. Куда менее известно, что Роберт и Людвиг были зачинателями российской нефтяной промышленности. На памятнике Роберту, который похоронен на Северном кладбище Стокгольма, высечено: «Роберт Нобель. Основатель “Товарищества братьев Нобель” в Баку». Это правда, хотя и не вся правда. А черное надгробие Людвига возвышается на заброшенном кладбище в Санкт-Петербурге.

В своих неопубликованных воспоминаниях «Мой трудо-

вой путь» (шведское название «37 лет трудового счастья»)³ Карл Вильгельм Хагелин пишет: «Я прекрасно понимаю, что кто-нибудь из тех, кому попадутся на глаза эти строки, может недоумевать: “К чему все эти длинные и скучные рассуждения об эллингах, доковании судов, приеме миллиона пудов нефти в день и прочем?” Разумеется, во всех этих предметах нет ничего особенного, и они могут быть неинтересны посторонним, но для меня удачно выполненная работа, независимо от ее коммерческой ценности, возносится над материальным миром благодаря особому сиянию, которое придает ей иную ценность, делает предметом искусства.

Эмануэль Нобель однажды сказал: “Что мне с высоких дивидендов?! Оно, конечно, пускай будут, только самое главное все же победа труда, предприимчивости, инициативы. Эта победа дороже денег”.

И он был прав, тысячу раз прав».

³ Воспоминания были опубликованы в Америке его сыном, Борисом Хагелином, и – в сокращенном виде – в Швеции.

Глава 1

Укрощение нитроглицерина и нефти

Расположенный в Санкт-Петербурге между Большой Невкой и Малой Вульфовой улицей механический завод Иммануэля Нобеля подлежал ликвидации. Процедуру банкротства кредиторы поручили его сыну Людвигу, и он проводит ее столь успешно, что зарабатывает неплохие деньги. В 1859 г. он берет в аренду крохотный заводик почти напротив, на Выборгской стороне, и нарекает свое предприятие механическим заводом «Людвиг Нобель». Альфред с Робертом снимают небольшую квартиру, где ведут спартанский образ жизни: много средств уходит на лекарства и врачей для Альфреда. Время от времени оба работают на Людвиговом заводе. Альфред, заинтересовавшись нитроглицерином, покидает Петербург. Роберт ремонтирует Казанский собор, перестраивает пароход «Крылов» и пробует создать огнеупорный кирпич. В начале 60-х Роберт женится на дочери преуспевающего финского коммерсанта Паулине Леннгрен. Они обосновываются в Гельсингфорсе, и там рождается их первенец, Яльмар Иммануэль. К этому времени Роберт стал совладельцем «Авроры» – магазина по продаже осветительного масла. Живущий в Стокгольме Альфред с похвалой

отзывается об успехах брата, однако у магазина вдруг появились серьезные конкуренты, и доходов от него никаких.

Вот как Роберт отвечает Альфреду в 1864 г.: «Сообразуясь с твоим мнением о моем светлом будущем, можно подумать, будто я один несу свет в преданные финские массы и уже должен бы от радости купаться в керосине, тогда как на самом Деле ты заблуждаешься, дорогой брат, – я недостойн подобной чести, ибо и оглянуться не успел, как у меня появилось а сем достойном поприще двое соперников. <...> Кому бы, черт возьми, могли прийти в голову такие трудности и такие никудышные виды на будущее в былые времена, когда наша звезда в стране Востока еще благоволила к нам?.. Разумеется, я был готов к тому, что не может везти до бесконечности, но чтобы стало так худо <...>, об этом я, право, и помыслить не мог». Впрочем, опыт работы с керосином Роберту очень пригодится позже.

Альфред по-прежнему экспериментирует, смешивая порох с нитроглицерином. Андриетта живет в вечном страхе, что «Альфред возится с огнеопасными веществами». Иммануэль, Альфред и Эмиль пытаются стабилизировать нитроглицериновые смеси в хеленсборгской лаборатории на Сёдермэларстранд, недалеко от центра шведской столицы, и это неминуемо ведет к катастрофе. Взрыв, который сотрясает весь Стокгольм, уносит жизни троих сотрудников и только что поступившего в университет двадцатилетнего Эмиля. Месяц спустя отца хватил удар. Альфред терзается, но

вскоре возобновляет опыты, на этот раз в более уединенном месте, на берегу залива Винтервикен. В 1863 г. Альфред выправил свой первый патент и в октябре следующего года основал «Нитроглицериновую компанию». Роберт получает право от имени этой компании наладить производство нитроглицерина в Финляндии. Эксперименты, поиски решений, попытки применить изобретения на практике, чтобы заработать с их помощью денег, – все это чревато спорами, борьбой за влияние, раздорами и недоверием друг к другу, причем растянутыми на десятилетия. Потерпев неудачу в своих финляндских предприятиях, Роберт переезжает с семьей в Стокгольм. Обстановка тем более накаляется, когда Иммануэль требует, чтобы его избрали директором новой компании. Роберт с Альфредом противятся этому. В письме к Людвигу в Петербург Роберт следующим образом изображает конфликт между своим вспыльчивым отцом Иммануэлем и своим упрямым братом Альфредом:

«Я приложил все возможные усилия, дабы убедить старика отказаться от претензий на директорскую должность. Я указал на его крайне ограниченные способности в области сочинения, ораторского искусства и химии, и он вынужден был признать, что я прав <...> и ему лучше уступить сей пост Альфреду.

Когда папаша пытается настоять на своем, он делается страшен и может вывести из себя даже камень, так что я бы ни за что не выдержал столько, сколько выдержал Аль-

фред, <...> но он тоже слишком горяч и деспотичен, и в один прекрасный день дело у них дойдет до рукопашной. А уступить отцу ни в коем случае нельзя, поскольку в финансовом плане он это многообещающее предприятие загубит. Альфред и впрямь попал в сложное положение, хотя более всего мне жалко матушку, ибо справедливости ради ей приходится брать сторону Альфреда, за что она терпит от отца неприятности».

Наконец Иммануэль сдается. Исполняющим обязанности директора и постоянным членом правления в винтервикской компании становится Роберт, и ему назначается оклад в 6 тыс. крон, что по тем временам весьма неплохо.

У нефти блестящее будущее!

В 1809 г. Швеция теряет Финляндию, которая переходит к России. Великое княжество Финляндское продолжает жить со своей шведской конституцией и своим шведским языком, на котором ведется все преподавание и все управление. В стране царит согласие: финны единодушно перевозят Александра II. После 1861 г., когда царь отменил крепостное право, крестьяне потянулись в город, надеясь, что наступили новые времена и им удастся найти работу на возникающих повсеместно заводах. Александр II впервые за несколько десятилетий созвал финляндский сейм, ослабил гнет цензуры и полиции. В Европу начинают поставлять американский фотоген (керосин), который доходит и до России, принося свет и кило туда, где раньше был мрак и холод.

Братья Нобель следят за новостями химии и техники по журнальным и книжным публикациям. Письмо из Петербурга от 16 февраля 1864 г. Людвиг пишет Роберту уже при керосиновой лампе. Людвиг прослышал о некоем Кокореве, который в 1857 г. завел в Баку небольшой завод по производству фотогена.

«В глубине России начали использовать русское горное масло, которым торгует Кокорев из кавказского города Баку, однако цена пока слишком высокая. Тем не менее есть основания полагать, что в скором времени масло это сможет конкурировать с американским. Запасов его никак не менее, чем в Америке. У нефти вообще во всех отношениях блестящее будущее».

Никто из них не подозревает, насколько деятельное участие в этом блестящем будущем будут принимать они сами. О Баку они слышали и раньше: Роберт давно собирался посетить этот город ветров на берегу Каспийского моря. И так, в 1857 г. Кокорев построил к северу от Баку заводик. Когда в 1863 г. было создано первое нефтеперегонное производство, посетить его приехал выдающийся химик Дмитрий Менделеев. Примерно в 1870 г. государственная монополия на бакинскую нефть, из которой, по сведениям Людвигу, Кокорев с помощью Менделеева и вырабатывал фотоген, перешла к влиятельному армянину Мирзоеву, однако четырехлетний срок откупа препятствовал расширению добычи: никто не хотел вкладывать деньги в столь краткосрочные проекты.

Кокорев и Менделеев не раз убеждали российское правительство отменить систему откупов. Власти понимали необходимость этой меры, однако из-за длительного изучения и обсуждения вопроса решение все оттягивалось. Законодательство было изменено лишь 1 января 1873 г., после чего казна через официальные торги отдала нефтеносные участки (делянки) тем, кто предложил за них наибольшую цену. Начали продажу с окрестностей Баку, где 16 участков на уже известном месторождении в Балаханах достались Кокореву и Мирзоеву: они ошеломили конкурентов высокими предложениями. Предстояло прославиться и другому бакинскому району – Сабунчам, где мелкие промышленники по дешевке скупили землю у ничего не подозревающих крестьян. Предприниматели рассчитывали на авось: «вдруг там что-нибудь окажется». И таки оказалось. Третьим богатым нефтью районом стал Биби-Эйбат – на берегу моря к югу от Баку, города, который охватила нефтяная лихорадка.

В этом городе ветров была лучшая гавань на всем Каспийском море. Через его порт шли товары из России и в Россию, из Европы и в Европу, из Передней и Средней Азии – и навстречу... Этот маршрут с давних времен составлял часть Великого шелкового пути.

История рода

Большинство шведских родов недворянского происхождения можно проследить начиная с XVII века, когда в церковных книгах стали регистрировать рождения и смерти. Это относится и к роду Нобелей.

Петрус Олаи Нобелиус происходил из крестьян деревни Эстра-Нёббелев провинции Сконе. Родился он, по-видимому, в 1655 г. В жены Петрус Олаи взял Венделу, дочь многосторонне одаренного ректора Упсальского университета Улофа Рудбека. У них родилось восемь детей. Петрус Олаи скончался в 1707 г. и похоронен в кафедральном соборе Упсалы. Вендела пережила его на три года.

Его правнук *Иммануэль* родился 24 марта 1801 г. Природа наделила мальчика замечательными способностями, но в школу он практически не ходил. Благодаря протекции деда по материнской линии его в четырнадцать лет взяли юнгой на «Фетиду», и он три года проходил по Средиземному морю. Существуют фантастические истории о морских приключениях Иммануэля, а также о том, как в 1819 г. он возводил в городе Евле триумфальную арку по случаю приезда туда Карла XIV Юхана.

Из Евле Иммануэль перебрался в Стокгольм, где прошел курс учебы в машиностроительном училище при Королевской сельскохозяйственной академии – по-видимому, с 1820

по 1825 г. В эти годы он не раз удостоивался наград и стипендий за свои изобретения. В марте 1828 г. он испрашивает три патента: на строгальный станок, станок для качания и механическую передачу (устройство для передачи движения). Его все чаще приглашают на должность строительного подрядчика и инженера. В 1827 г. он женится на Андриетте Альселль, дочери казначея Андреаса Альселля, из смоландского рода которого вышло немало дельных чиновников для Стокгольма. У супругов было четверо сыновей: Роберт, Людвиг, Альфред и Эмиль (не считая детей, умерших в младенческом возрасте).

Иммануэль трудился не покладая рук, однако его преследовали крупные неудачи, и в 1833 г. он вынужден был объявить себя банкротом. Спустя четыре года кредиторы стали грозить долговой тюрьмой, но со временем Иммануэля признали невиновным. Он взялся за химические опыты, однако в 1837 г. решил поискать счастья в Финляндии. Там он задержался недолго и проследовал в Санкт-Петербург, где фортуна наконец улыбнулась Иммануэлю и где в 1842 г. к нему присоединились жена и дети. Его «станок для производства колесных ступиц» приобрел известность, а придуманные им новые конструкции мин, в том числе фугасные мины «для уничтожения противника на значительном расстоянии», обратили на себя внимание военного ведомства. Но изготовление мин требует крупных расходов, и Иммануэль вынужден просить их возмещения у военных. Однако

первые заказы на мины появились лишь в 1854 г., с началом Крымской войны. Тогда их изготовление наладил под руководством отца старший сын, Роберт. Английский флот не решался заходить в глубь Финского залива, получив серьезное предупреждение: англичане выловили одну мину, и она взорвалась у них на борту. Нанесенного при этом ущерба было более чем достаточно, чтобы напугать их. Как только у Иммануэля появились средства, он открыл небольшой механический завод с литейным двором. Молва о предприимчивости и порядочности Нобеля способствовала получению новых заказов. Постепенно он расплатился с долгами и принялся трогательно помогать всем родным и друзьям в Швеции. Тестю Альселлю он пишет: «Если сыновья мои столкнутся и продолжат начатое мною предприятие, полагаю, с Божьей помощью им не придется думать о куске хлеба, поскольку в России дел невпроворот».

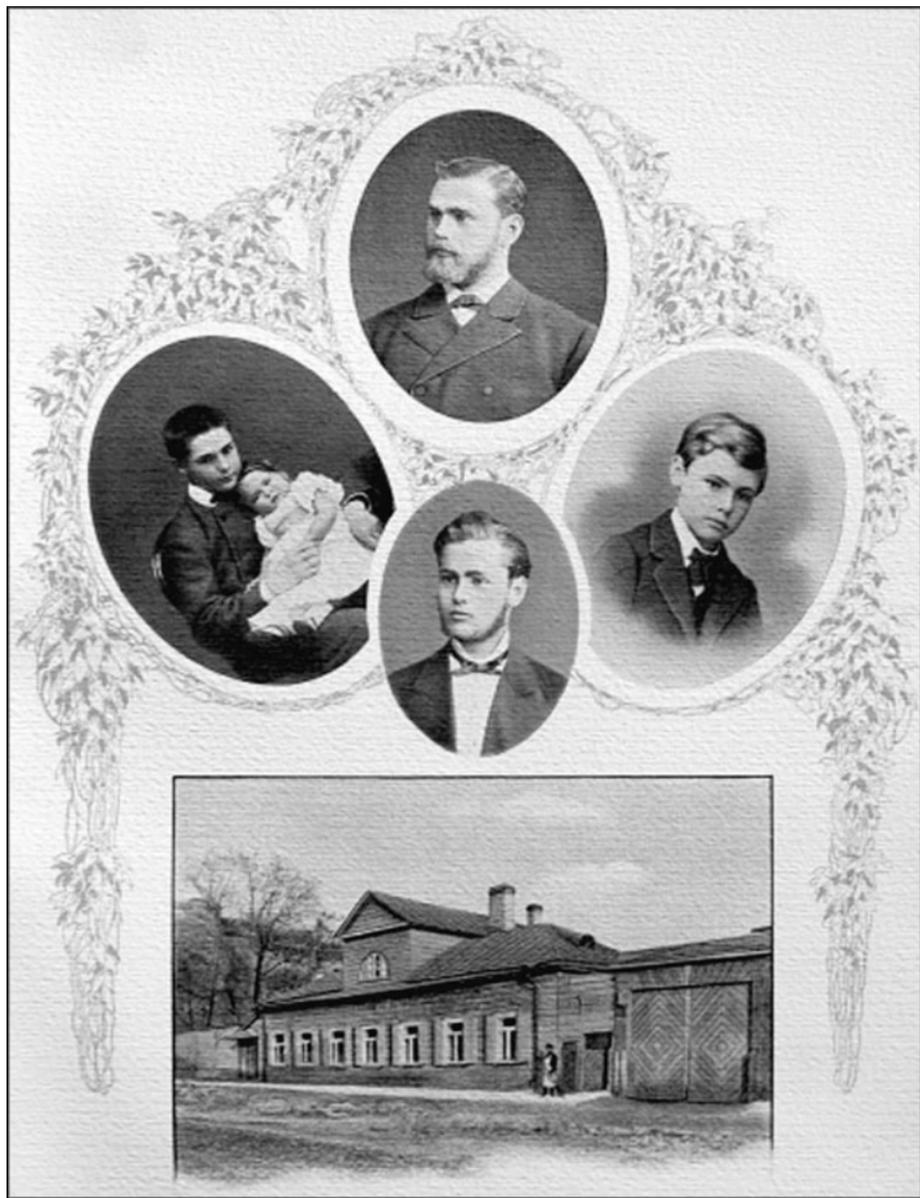
Среди продукции завода были системы для обогрева домов с помощью горячей воды и станки для изготовления тележных колес. Когда российский парусный флот понадобилось заменить парходами, стали поступать крупные казенные заказы. Невзирая на трудности, нобелевский завод оснастил паровыми машинами 11 военных судов. В 1853 г. Иммануэля удостоили Императорской золотой медали – для иностранца это была по тому времени неслыханная честь. Война требовала много материалов, так что Иммануэлю обещали новые заказы от казны, и он все расширял производ-

ство: у него трудились уже почти тысяча рабочих.

После смерти Николая I правительство заключило мир и опять стало размещать заказы за границей. Иммануэль снова оказался на грани банкротства и, по его собственным словам, «три месяца пребывал в полнейшем изнеможении». Оставив завод кредиторам, он в 1859 г. с Андриеттой и младшим сыном Эмилем переехал обратно в Стокгольм, где их ждало весьма туманное будущее. Через несколько лет после возвращения они снимают старый особняк Хеленеборг в стокгольмском районе Сёдермальм. Людвиг остался в Петербурге, Роберт переселился в Финляндию, а Альфред в 1863 г. тоже приехал в Швецию, чтобы в отцовской мастерской начать эксперименты по смешиванию пороха и нитроглицерина. Имея патент, отец с сыном в 1864 г. приступили к работе в хеленеборгской мастерской (точнее, лаборатории). 3 сентября того же года там произошел взрыв, от которого погиб Эмиль, только что поступивший в Упсальский университет. Спустя два дня Иммануэль пишет объяснительную записку о несчастном случае, а меньше чем через месяц его разбивает паралич. У Альфреда было весьма туго с деньгами, но, похоже, именно он оплатил поездку родителей на курорт в Норртедьё и их пребывание в «водолечебном заведении».

По рассказам Андриетты, Иммануэль даже лежачий любит фантазировать, «подталкивает к делу множество людей», хотя, на ее взгляд, «без большого толку». И все же в

брошюре, которую он выпустил в 1870 г., полно замечательных идей! Например, там описана первая клееная, или многослойная, фанера и представлена особая конструкция «гробов, которые можно оборудовать таким образом, что человек, впавший в летаргический сон, мог бы при пробуждении сам открыть изнутри крышку с вентиляционными отверстиями (к тому же снабженную сонеткой, чтобы подать сигнал наружу)».

На фото сверху: Иммануэль Нобель. В нижнем ряду его

сыновья: Людвиг и новорожденный Эмиль, Альфред и Роберт. На фото внизу дом Иммануэля Нобеля в котором он провел свои детские годы

Иммануэль был незаурядным изобретателем, но зачастую недооценивал суровые условия действительности. Он был человеком исключительно порядочным и трудолюбивым, и работа интересовала его куда больше финансовой прибыли. Нужды они с Андриеттой не знали лишь благодаря 10-процентным дивидендам с 25 акций Альфредовой нитроглицериновой компании. Согласно описи имущества, составленной в 1872 г. после смерти Иммануэля, у него было в прибыли 28 700 крон. Спустя 17 лет, когда скончалась его супруга Андриетта, все акции были в целости и сохранности, а цена их выросла по сравнению с первоначальной в восемь раз.

Роберт Нобель (1829–1896) женился на Паулине Леннгрен, и у них было четверо детей: Яльмар, Ингеборг, Людвиг и Тюра. Яльмар родился в 1863 г. В 1884–1890 гг. он работал в Баку и Царицыне на «Товарищество бр. Нобель», а затем, до 1896 г., у Альфреда Нобеля. Со временем он поселился в Швеции и вступил в брак с Анной С. Поссе. Ингеборг (1865–1939) вышла замуж за графа Карла фон Фришен Риддерстольпе (1864–1905). Людвиг (1868–1946) стал «королем Бостада» – влиятельной и колоритной фигурой этого курортного городка. Тюра прожила с 1873 по 1896 г.

Людвиг Нобель (1831–1888) был женат на Вильгельмине (Мине) Альсеяль, которая родила ему троих детей: Эмануэля (1859), Карла (1862) и Анну (1866). В браке с Эдлой Коллип на свет появились также Мина (1873), Людвиг (Лулла) (1874), Ингрид (1879), Марта (1881), Рольф (1882), Эмиль (1885) и Йоста (1886). Помимо них, было еще четверо детей, которые умерли в раннем детстве.

Альфред Нобель (1833–1896) в возрасте девяти лет едет с матерью и братьями в Санкт-Петербург. Мальчики получили домашнее образование в области гуманитарных и естественных наук. Видимо, по его завершении Альфред отправляется в Америку, затем в Германию и Париж. Первые взрывы нитроглицерина проводились в 1862 г. в Петербурге. В 1863 г. Альфред поселяется в Стокгольме. Через два года основывает в Швеции товарищество «Альфред Нобель и К^о». С 1865 по 1873 г. жил в Гамбурге, затем переехал и Париж. После этого Альфред в основном живет в Париже или в итальянском Сан-Ремо, наезжая также в шотландский Ардир и усадьбу Бьёркборн в Швеции.

Рокфеллер: «наш план»

В 60—70-х годах XIX века и американцы, и русские заразились острой формой нефтяной лихорадки, причем расширение добычи шло параллельно с развитием техники. По мере усложнения станков и другого машинного оборудования возрастала потребность в источниках энергии, в смазочных маслах, в горючем (в том числе в керосине). Эта отрасль была открыта для инициативы, для людей, обладающих чутьем на все новое, а также способностью покорять рынки, заключать выгодные сделки... и богатеть.

Поначалу американцы опережали русских прежде всего благодаря таким людям, как Джон Д. Рокфеллер, тем более что в стране знали толк в свободном предпринимательстве. Рокфеллер заложил основы своего будущего капитала во время гражданской войны в Америке, когда поставлял в армию предметы первой необходимости. В 26 лет он выкупил у компаньона принадлежавшую тому часть нефтеперегонного завода и стал его единоличным владельцем. В 1870 г. он совместно со своим новым партнером, Генри Флэглером основал компанию «Стандард ойл», которая вскоре производила уже 10 % всей американской нефти. Однако отрасли угрожало перепроизводство и резкое падение цен. Тогда Рокфеллер и Флэглер занялись осуществлением «своего плана»: купить или втайне присоединить к себе более мел-

ких промышленников, чтобы таким образом повысить собственный контроль над отраслью. Что они и стали делать самыми безжалостными способами. Компания заслужила прозвище Спрут, ее ненавидели за коварные уловки, а сам Рокфеллер слыл чудовищем, которым впору – вместо трубочиста – устрашать детей. Мать Джона была рьяной баптисткой и, если мальчик не слушался, порола его, привязав к спинке кровати. Отец торговался с сыновьями и нередко обманывал их – «дабы держали ухо остро». Понятно, что такая железная дисциплина воспитывала сложную личность. Родители были люди простые, малообразованные, но у Джона рано проявились и математические способности, и талант дельца.

«Стандард ойл» все больше укрепляла свои позиции монополиста и в США, и на мировом рынке, где компания в 80-х годах уже бросала вызов братьям Нобель и влиятельному семейству французских банкиров – Ротшильдов, а впоследствии и компаниям «Ройял датч-Шелл» и Англо-персидская (будущая «Бритиш петролеум»).

В России начала 60-х заметно увеличился ввоз американского керосина. Европа представляла собой самый крупный рынок в мире, и большая часть поставок шла через компанию «Стандард ойл», – видимо, она же снабжала осветительным маслом и гельсингфорский магазин «Аврора». Американский консул в Санкт-Петербурге с надеждой взирал в будущее: для керосина от «Стандард ойл» был открыт весь земной шар.

Военные поставки – основа капитала

Когда Людвиг в 1864 г. пишет Роберту о «горном масле», он еще идет по стопам отца, но ищет и собственный путь. Он не меньше Иммануэля любит работу: ему интересно решать проблемы – думать, чертить, изобретать технологии, но отцовские банкротства научили его уделять внимание и финансовой стороне дела. Людвиг получил образование инженер-машиностроителя и выпускает много привычной для Иммануэля продукции: пушки и лафеты к ним, подводные мины и артиллерийские снаряды. Он изготавливает сверлильные и токарные станки, паровые молоты, гидравлические прессы и колесные оси. Он производит отопительные котлы мя особняков, доходных домов и присутственных мест, а также водопроводные трубы, батареи и краны. У него на заводе переделывают 100 тыс. ружей, заряжающихся с дула, в заряжающиеся с казенной части. Его завод на петербургской Сампсониевской набережной разрастается, основы капитала заложены. В 27 лет Людвиг женится на своей двоюродной сестре Вильгельмине (Мине) Альселль. Счастливый молодожен пишет в Швецию дяде, Людвигу Альселлю: «На Вашу Мину одно удовольствие смотреть (давно бы так, можете сказать Вы). Вместо привычного для нее печально-болезненного вида она пышет румянцем, здоровьем и веселием, глаза ее светятся лукавой радостью».

Когда Мина зачала, ее свекровь, Андриетта Нобель, делится с братом: «Мина начинает понемногу округляться, но, слава тебе Господи, чувствует себя бодро, чего едва ли можно было ожидать при ее слабой конституции». Семья волнуется, как пройдет беременность. Родился Эмануэль – по видимому, двумя месяцами раньше срока. Его приходится «обкладывать ватой, купать в бульоне и ставить в коробке из-под сигар на печку». Но мальчик оказывается здоровым и сильным – таким он будет до конца своей долгой жизни. Затем рождаются Карл и Анна. В дом на Сампсониевской набережной переезжает внебрачный сын Людвига, Яльмар Крусель, которому уже то ли двенадцать, то ли четырнадцать лет.

Яльмар – первенец Людвига. Он родился у Анны Линдаль через год после того, как Людвиг посватался к Мине. Анна была дочерью одной из лучших подруг Андриетты Нобель. Свадьба Людвига и Мины откладывалась: из-за того ли, что невеста плохо себя чувствовала, или потому, что появление на свет Яльмара вызвало размолвку с женихом? Анна вышла замуж за гельсингфорсского врача Густава Круселля, – скорее всего, это был фиктивный брак, призванный дать Яльмару статус законнорожденного. Очевидно, Яльмар учился с Мануэлем и Карлом в Техническом училище в Бармене (город в Рейнской провинции, недалеко от Дюссельдорфа). Людвига он называл дядей.

В 1869 г. Мина умирает шестыми родами, и Людвиг при-

ходит в отчаяние. Вот что пишет Роберту и Паулине Нобель учительница шведской приходской школы в Петербурге Хильдегард Нюберг: «Нам никогда не забыть безутешного супруга и оставшихся сиротами детей у ее гроба. Нобель все меняет и переделывает дома, он то приходит, то уходит, иными словами, не может найти себе места. Вчера вечером он был у нас, сказал, что собирается взять детей и няню Сельму и через Швецию уехать за границу». Впоследствии на место Хильдегард заступает ее сестра, Эдла Коллин, и тоже знакомится с Людвигом. Ее первое впечатление от будущего мужа: «Он похож на обезьяну». При своем невысоком росте и густой бороде Людвиг кажется ей слишком заросшим, хотя она отмечает его красивые голубые глаза и проникновенный взгляд, в котором светится ум и доброта.

Женившись на юной Эдле, Людвиг просит Роберта приехать в Петербург и взять на себя управление заводом. Молодые почти на год уезжают путешествовать. Роберт без труда расстается с ненавистной компанией в стокгольмском Винтервикене – она вгоняет его в «болезненное состояние», поскольку, как он объясняет, «мы живем на вулкане, к тому же в окружении пьяниц, <...> если же и удастся отыскать трезвого работника, он оказывается круглым идиотом»..

Зарождение нефтедобывающей промышленности в России...

Жители Баку с незапамятных времен видели, как в его окрестностях из расселин в земле и скалах непонятно почему вырывается пламя, видели, как оно пляшет по воде, и стали приписывать ему мистическую силу. Караваны верблюдов в бурдюках перевозили смешанную с песком нефть через горы и пустыни в иноземные государства. Индийцы и персы устремлялись к бакинскому храму огня, чтобы умереть рядом с этим священным местом. Египтяне добывали тут ингредиенты для своих бальзамирующих масел. В XIII веке через Кавказ держал путь в Китай Марко Поло. Он рассказывает о богатейшем источнике на грузинской границе, «маслом» из которого можно нагрузить до сотни верблюдов; по его словам, масло это годится как лекарство против коросты у людей и животных, однако же есть его нельзя, что подтверждает и известный русский путешественник господин Ханыков. В XV веке нефть начали вывозить в другие страны. В XVII веке масло для светильников получали из лежащих близко к поверхности источников в Закавказье. Петр Великий задумал использовать Каспийское море для внутрироссийских перевозок. Когда русские в 1723 г. отвоевали Баку у Персии, он повелел добывать там нефть и возить ее на судах вверх по Волге.

В 1735 г. Баку снова отошел к Персии. Спустя несколько лет Каспийское море заполонили английские купцы, вознамерившиеся перевозить по нему товары в Индию. Среди англичан был и Джонас Хэнуэй, который в 1754 г. описал, как добывали нефть при персах. Он не раз видел бьющее из-под земли пламя и упоминает богатые залежи на острове Святом, где шкиперы персидских судов закупали нефть, чтобы потом продать у себя на родине (персы хранили ее в земляных ямах). Горела нефть лучше, если к ней подмешать золы. В 60-х годах XIX века на острове появился первый нефтеперегонный завод.

Перегонка стала важным этапом развития нефтяной промышленности. С помощью нагревания и конденсирования удалось получить парафин и горящий при более низкой температуре сорт керосина. «На Апшеронском полуострове есть также природная форма керосина белого цвета и жиже обычной нефти. Русские его пьют! Говорят, он помогает против внутренних болезней. А еще им можно выводить пятна с шелка – только уж больно йотом воняет».

В 1801 г. русские снова захватили Баку. В сообщении от 1813 г. значится, что запасы «нафты» неисчерпаемы. Ее используют для освещения, но она дает много дыма и плохо пахнет. Такое впечатление, будто «окрестности Баку полыхают стекающим с гор пламенем, а в ясную лунную ночь западные вершины подсвечены синим». В 1819 г. было добыто около 4 тыс. тонн нефти, большую часть которой вывезли в

Персию. В 30-х годах, когда российская казна предложила небольшие участки в четырехлетний откуп, предприниматели стали черпать нефть из мелких ям. Если рыть яму глубже, вырвавшийся из-под земли газ мог прикончить рабочего на месте. Методы добычи не совершенствовались. С ростом населения, ускорением экономического развития и оснащением производства новым оборудованием возрос интерес к нефти и возможностям ее применения. В 1860 г. был построен перегонный завод в Сураханах. Еще через десять лет производство керосина достигло новой ступени: промышленники поняли, как получать более чистый продукт.

...и в Соединенных Штатах Америки

Североамериканские индейцы использовали нефть для костров и факелов, а также для умащивания своих тел и лечения животных. Первое письменное свидетельство о том, что в Северной Америке есть нефть, было сделано в 1627 г. францисканским монахом отцом Жозефом де ла Рош д'Аллоном. Несколько десятилетиями позднее уже иезуиты сообщают о «тяжелой и густой жидкости, которая при зажигании горит вроде коньяка». В начале XIX века из-за роста населения увеличилась потребность в соли, и ее поиски зачастую приводили к обнаружению нефти. Многие из тех, кто занимался добычей соли, переключались на бурение нефтяных скважин.

В середине XIX века шотландский химик Джеймс Янг (Юнг) стал очищать кеннельский уголь (иначе известный как богхед), чтобы использовать по в качестве осветительного и смазочного масла. В 1854 г. один молодой канадец взял патент на жидкий углеводород, назвав свой продукт «керосином» – от греческих слов керос (воск) и элайон (масло). [Современная этимология считает вторую часть слова «керосин» не имеющим значения суффиксом. – Т.Д.] Американец Джордж Бисселл послал Эдвина Дрейка на поиски нефти, и в 1859 г. тот обнаружил свое первое месторождение в Тайтесвилле (штат Пенсильвания). К концу следующего года

в Пенсильвании насчитывалось уже около двух тысяч нефтяных скважин.

Итак, нефть была найдена в Пенсильвании в 1859 г. Спустя пять лет, когда Эдвину Дрейку попало более крупное месторождение, новая отрасль промышленности начала активно развиваться и американский керосин вышел на мировой рынок. Вскоре к его производству подключился Джон Д. Рокфеллер. В 1870 г. он совместно с Генри Флэглером основывает компанию «Стандард ойл», которая разрастается за счет скупленных им мелких предприятий. В 1881 г. создается уже трест «Стандард ойл траст», со временем вобравший в себя 38 компаний.

Безжалостные методы его владельцев подвергались такой критике, что администрация Теодора Рузвельта затеяла против треста грандиозный процесс. В мае 1911 г. Верховный суд США принял историческое решение: он обязал «Стандард ойл траст» в течение шести месяцев отказаться от всех дочерних предприятий.

Помимо жесточайшей конкуренции и полного контроля над рынком, нефтяная монополия Рокфеллера вызывала раздражение тем, что невероятно богатое семейство организовало собственную систему дотаций и фондов, которая фактически представляла собой вторую администрацию и оказывала огромное влияние на развитие науки и образования. Многие из тех, кому достались рокфеллеровские стипендии и другие гранты, впоследствии стали... лауреатами

Нобелевской премии.

В цветущие края, где растет ореховое дерево!

По возвращении из долгих странствий Людвиг обнаруживает, что российское военное ведомство снова хочет заказывать снаряды, пушки, мортиры и пулеметы, причем на сей раз российского производства. Армию собирались снабдить усовершенствованными винтовками системы американского полковника Хирама С. Бердана. Изготавливать их должны были в Ижевске, в пустынной местности к западу от Уральских гор, на казенном оружейном заводе под руководством Петера (Петра) Бильдерлинга. Бильдерлинг был добрым другом Людвига и ранее работал у него в Петербурге, а потому в 1871 г. предложил поделиться с ним заказом на 200 тыс. «берданок-2».

На протяжении 1872 г. Людвиг и Бильдерлинг организовали в Ижевске образцовое производство и значительно улучшили условия жизни рабочих. За восемь лет они изготовили для оборонного ведомства 450 тыс. берданок. Инспектором оружейных заводов был офицер российской армии и финский барон Карл Август Стандертшёлд, также близкий друг семейства Нобель. Эти двое господ, Бильдерлинг и Стандертшёлд, стали главными помощниками Людвига в его следующем предприятии – «Товариществе нефтяного производства братьев Нобель».

Казенные заказы дали Людвигу финансовую возможность расширить завод в Санкт-Петербурге, где он выпускал оборудование для бурно развивающегося российского машиностроения. Работы выполнялись аккуратно и в срок, о чем игла молва. В 1870 г. Людвиг получил право украсить эмблему компании двуглавым орлом российского герба – это было знаком высочайшего отличия.

Роберт отменно управлял заводом во время затянувшегося медового месяца брата, но не захотел участвовать в «ижевской аванюре», а потому Людвиг поручил ему продажу своей гражданской продукции, Роберт получал хорошие деньги, однако вкладывал их в рискованные предприятия, и они утекали (папаша Иммануэль был прав: Роберт действительно обладал склонностью к спекуляциям). Людвиг предлагает брату взять на себя изготовление из твердой породы дерева 500 тыс. прикладов для ижевских берданок; Роберта обещают ссудить необходимыми средствами, благодаря чему он мог бы завести самостоятельное дело. Но сначала Роберту предстояло посетить несколько оружейных заводов в Центральной Европе, а также выяснить, растет ли на Кавказе подходящий грецкий орех. 17/29 января⁴ 1873 г. Людвиг пишет из Берлина:

«Мой дорогой брат Роберт! Итак, тебе предстоит серьез-

⁴ В России до 1918 г. использовалось юлианское летосчисление, тогда как в Европе – григорианское. 24 октября по российскому календарю считалось 7 ноября по европейскому. (Прим. автора.)

ное предприятие, и я от души желаю, чтобы оно принесло тебе независимость и грядущее удовлетворение. Предприятие это чисто коммерческого свойства, а значит, соответствует многократно высказывавшимся тобою пожеланиям можешь исполнить свою стародавнюю мечту и посетить. цветущие края, где растёт ореховое дерево. Твои трудолюбие и внимательность, твоя необыкновенная способность горячо и энергично браться за новое дело служат мне гарантией того что я ничем не рискую, поручаясь за тебя ради успеха предприятия, да и твое собственное будущее будет благодаря нему обеспечено.

Роберт Нобель – учредитель первого нефтяного предприятия Нобелей в Баку (1875), владелец керосинового завода

в Чёрном городке (Баку), учредитель и пайщик «Товарищества братья Нобель»

Сам я буду поистине рад, если сие начинание увенчается успехом и даст тебе повод для радости и уверенности в завтрашнем дне. Как бы ни складывались наши взаимоотношения, должен без лишней скромности сказать, что моими поступками и устремлениями всегда двигало желание поддерживать согласие и братскую любовь между нами и нашими семьями. Подобно прочим людям, мы могли совершать ошибки и просчеты, но они ни в коем случае не затрагивали объединяющего нас чувства, и это чувство – залог нашей силы и наших успехов, если только мы пойдем навстречу друг другу и будем вместе трудиться для блага наших семей и поддержания доброй славы, коей фамилия Нобелей пока что всегда оставалась достойной. Будь здоров и с любовью и благожелательностью вспоминай своего брата Людвига».

Ответ Роберта полон надежд: «Завод я собираюсь заложить в Баку, где теперь, с окончанием нефтяной монополии Мирзоева, закипит жизнь», и он действительно объезжает оружейные предприятия в Швейцарии и Австрии, а потом еще заглядывает в Париж к Альфреду. У того уже 15 заводов по производству динамита и крупное состояние. Братья обсуждают современные способы изготовления оружия, с которыми Роберт познакомился в путешествии. Затем он – ве-

роятно, через Константинополь и Одессу – едет на Кавказ искать орешник к западу от Баку, в который он тоже заглядывает по дороге. Основательно изучив леса, Роберт подробно докладывает Людвигу из Мальме, куда приезжает в сентябре 1873 г.:

«Грецкий орех, произрастающий в кавказских лесах, либо слишком стар, чтобы давать полноценную древесину, либо слишком молод и незрел, либо, если деревья в подходящем возрасте, их привели в никуда не годное состояние небрежением. Бездумно отрубается ветка крупного дерева, чтобы пустить ее на дрова или использовать для других целей, а в большую рану, нанесенную таким образом дереву, при каждом дожде попадает вода и по стволу просачивается к корням, вызывая незаметное снаружи гниение. <...> В казенных лесах деревья, избежавшие уничтожения другими способами, подточены таким манером изнутри. Посему с мыслью о том, что можно получать ореховую древесину из казенных лесов, придется распроститься».

Роберт познакомился с владельцем одной рощи, который любовно ухаживал за своим лесным участком и мог бы поставлять 50–60 стволов в год, но этого было слишком мало.

К концу 1873 г. Роберт возвращается в Петербург, где просит у Людвига возмещения за время, потерянное на поиски древесины и знакомство с ружейным производством. Получив 25 тыс. рублей, он в начале 1874 г. снова едет в Баку: сначала до Царицына на пароходе, затем, пересев на

плоскодонное речное судно, спускается по Волге к Астрахани, а уже оттуда – к месту назначения. Весь путь занимает у него неделю. Капитаном судна оказывается симпатичный голландец по фамилии Дебур, которому надоел его нефтеперегонный завод Баку. Роберт покупает у него и завод, и участок. В написании по-русски письмо от 31 октября 1875 г. Людвиг сообщает Альфреду:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.